

Когда госпожа Гу снова замахнулась, Гу Цинфэн на этот раз перехватил её запястье. Его глаза налились кровью.

— Вы били меня уже много раз, и я ни разу не воспротивился. Не потому, что боялся, а потому, что всегда считал вас своей матерью. Но с этого момента — нет.

Сказав это, Гу Цинфэн резко отшвырнул её руку. Госпожа Гу попятилась, едва удержавшись на ногах, и от потрясения закричала:

— Ах! Ты, негодяй! Ты посмел поднять на меня руку!

В этот момент дверь палаты распахнулась. Вошел Чэн Цзиньнянь, неся в руках два контейнера с едой. Заметив госпожу Гу, он помрачнел и спросил:

— Тётя, вы когда пришли?

Увидев Чэн Цзиньняня, госпожа Гу словно нашла спасителя. Она указала на Гу Цинфэна и закричала:

— Цзиньнянь, быстро призови его к ответу! Этот мерзавец посмел ударить меня!

Чэн Цзиньнянь сделал шаг вперед, поставил контейнеры на журнальный столик и, взглянув на госпожу Гу, а затем на всё больше распухающую щеку Гу Цинфэна, нахмурился.

— Тётя, как он вас обидел?

Госпожа Гу тут же выпрямилась и ткнула пальцем в безвольно сидящего на кровати Гу Цинфэна:

— Он хотел меня ударить!

Чэн Цзиньнянь приподнял уголок губ и тихо произнёс:

— Значит, он вас всё-таки не ударил, верно?

Госпожа Гу опешила:

— Цзиньнянь, что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного. Просто хотел узнать, досталось вам или нет.

— Конечно нет! Разве я позволю этому щенку поднять на меня руку?

Слушая её резкие слова, Чэн Цзиньнянь нахмурился ещё сильнее. Подумав, он сказал:

— Тётя, выйдите, пожалуйста, со мной. Мне нужно с вами поговорить.

Госпоже Гу не понравился тон Чэн Цзиньняня, но она всё же вышла за ним из палаты.

В коридоре она посмотрела на него с явным недовольством:

— Цзиньнянь, помни, что ты жених Чэнчэна. Прежде чем что-то делать, думай о нём. Этот негодяй чуть не ударил меня. Если Чэнчэн узнает, как ты думаешь, что он почувствует?

Лицо Чэн Цзиньняня почернело. Он терпеть не мог, когда его пытались шантажировать, кто бы это ни был. Голос его стал холоднее:

— Я понимаю, что вы имеете в виду, тётя. Но если бы вы действительно заботились о Чэнчэне, вы бы не пришли сюда устраивать скандал.

— Что это значит? Ты хочешь сказать, что я пришла скандалить?

Чэн Цзиньнянь холодно отрезал:

— По-моему, я вас сюда не приглашал.

— Чэн Цзиньнянь, как ты со мной разговариваешь? Ты вообще о ком беспокоишься — о Гу Цинфэне или о Чэнчэне? Неужели Гу Цинфэн и правда тебя соблазнил? Как ты мог измениться всего за одну ночь?

Чэн Цзиньнянь понизил голос:

— Тётя! Если бы не ради Чэнчэна, стал бы я столько возиться? Если бы вы с дядей согласились стать донорами для Чэнчэна, разве я держался бы за Гу Цинфэна?

Лицо госпожи Гу мгновенно побледнело. Лишь спустя долгое время она спросила:

— Ты говоришь правду?

Увидев, что её спесь поубавилась, Чэн Цзиньнянь смягчил тон:

— Не волнуйтесь, тётя, я беспокоюсь о Чэнчэне не меньше вашего.

Госпожа Гу кивнула:

— Хорошо, я поверю тебе в этот раз.

— Благодарю за доверие. До операции я хочу, чтобы здесь, у Гу Цинфэна, было тихо. Вы ведь

не хотите, чтобы в критический момент у него возникли какие-то проблемы?

Госпожа Гу не смела рисковать здоровьем Гу Цинчэна, поэтому согласилась с доводами Чэн Цзиньняня.

— Раз ты так говоришь, я понимаю. В ближайшее время я не появлюсь, и Чэнчэну ничего не скажу. Но смотри, не переходи границы!

Чэн Цзиньнянь кивнул и улыбнулся:

— Раз мы всё выяснили, возвращайтесь к Чэнчэну.

Госпожа Гу не собиралась задерживаться, но, уходя, обернулась и напоследок предупредила:

— Цзиньнянь, я доверилась тебе. Надеюсь, ты оправдаешь это доверие и не разочаруешь меня!

Когда она ушла, Чэн Цзиньнянь выкурил сигарету и только потом вернулся в палату.

Из-за того, что Гу Цинфэн схватил госпожу Гу за руку, у него вырвало иглу капельницы. Чэн Цзиньнянь, занятый спором, не заметил, как из ранки сочится кровь. Войдя, он увидел пятно крови на простыне, а сам Гу Цинфэн сидел, отрешённо глядя на свою окровавленную тыльную сторону ладони.

Чэн Цзиньнянь подошёл, осторожно взял его руку, нажал кнопку вызова медсестры, чтобы та всё обработала и сменила постельное бельё. Когда всё было закончено, он подошёл к нему, коснулся его опухшей щеки и спросил:

— Больно?

Гу Цинфэн рефлекторно отпрянул. Чэн Цзиньнянь приложил к его лицу пакет со льдом, который взял у медсестры, и, на удивление по-человечески, спросил:

— Будешь сам держать или мне помочь?

Гу Цинфэн отстранённо взял пакет и приложил к щеке.

— Я сам, — сухо бросил он.

Чэн Цзиньнянь отстранился, вернулся к столику, достал еду из контейнеров и разложил её на прикроватном столике. Гу Цинфэн наблюдал за его действиями, плотно сжав губы.

Чэн Цзиньнянь налил бульона в чашку:

— Выпей это.

Гу Цинфэн посмотрел на бульон и усмехнулся:

— Чэн Цзиньнянь, не нужно этого притворства.

Тот посмотрел на него, но, на удивление, не разозлился. Тон его оставался спокойным:

— Знаешь, кто самые глупые люди на свете? Те, кто мучают самих себя. Если хочешь поскорее выйти из больницы, пей.

Сказав это, он сел на диван и уткнулся в телефон. Гу Цинфэн некоторое время смотрел на бульон, затем взял чашку и залпом выпил всё до дна. Остальную еду он тоже попробовал.

Чэн Цзиньнянь сидел, глядя в экран, но время от времени бросал взгляды на Гу Цинфэна. Когда тот закончил, он убрал телефон, подошёл и сам сложил посуду.

— Отдыхай. Завтра приду снова.

Когда Чэн Цзиньнянь наконец ушёл, Гу Цинфэн почувствовал, что мир вокруг наконец затих. Он лежал на кровати, не решаясь вдумываться в эту внезапную доброту. Он знал: Чэн Цзиньнянь не стал бы так заботиться без задней мысли. Должен быть какой-то подвох.

Гу Цинфэн коснулся своего бока. Почка — это единственное, что могло заставить Чэн Цзиньняня быть с ним добрым, несмотря на то, что тот утверждал, будто нашёл другого донора.

Покинув палату, Чэн Цзиньнянь позвонил помощнику и велел приставить к Гу Цинфэну сиделку и двух охранников. Он не доверял ему — боялся, что тот снова сбежит.

Из этой палаты Чэн Цзиньнянь направился в другой корпус, где лежал Гу Цинчэн. Когда он пришёл, тот как раз закатывал истерику, разбросав еду по полу. Конечно, Чэн Цзиньнянь этого не видел — перед ним Гу Цинчэн всегда был невинным, жалостливым кроликом.

Войдя, Чэн Цзиньнянь увидел лишь остатки еды на полу и перепуганную сиделку.

— Что здесь произошло? — обеспокоенно спросил он.

Сиделка хотела ответить, но Гу Цинчэн бросил на неё свирепый взгляд.

— Брат Цзиньнянь, не ругай сиделку, — пролепетал Гу Цинчэн. — Она случайно уронила еду и теперь очень расстроена. Я уже сказал ей, что ничего страшного, можно просто купить ещё порцию!

Чэн Цзиньнянь подошёл и ласково погладил его по голове:

— Чэнчэн такой понимающий. Ты ещё не ел, должно быть, очень голоден?

Гу Цинчэн взял его за руку:

— Всё в порядке. Я ждал тебя, хотел пообедать вместе.

Чэн Цзиньнянь присел на край кровати и велел сиделке:

— Убери здесь и принеси господину Чэнчэну свежую еду. В этот раз будь осторожнее!

Сиделка, проглотив обиду, кивнула и ушла. Чэн Цзиньнянь не увидел госпожи Гу и спросил:

— А где тётя?

— Мама заходила, но я видел, что она устала, и отправил её отдохнуть, — соврал Гу Цинчэн.

Чэн Цзиньнянь похвалил его. Сиделка, боясь гнева Гу Цинчэна, вернулась быстро. У того не было аппетита, он съел лишь немного с рук Чэн Цзиньняня. Поскольку Чэн Цзиньнянь никогда не оставался в больнице на ночь, покормив его, он вскоре ушёл.

На следующее утро, едва проснувшись, Чэн Цзиньнянь получил звонок от охранника: Чэн Но требует встречи с Гу Цинфэном.

Чэн Цзиньнянь вскочил с кровати, быстро собрался и помчался в больницу. Когда он прибыл, Чэн Но всё ещё стоял у двери, препираясь с охраной. Чэн Цзиньнянь подошёл и спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Чэн Но улыбнулся:

— Брат, пришёл навестить Цинфэна, а твои люди не пускают.

Чэн Цзиньнянь помрачнел:

— Он не хочет тебя видеть.

Чэн Но насмешливо усмехнулся:

— Брат, это ты говоришь о себе? Единственный, кого он не хочет видеть, — это ты!

— Чэн Но! — рявкнул Чэн Цзиньнянь. — Не испытывай моё терпение!

Чэн Но равнодушно посмотрел на него:

— Чэн Цзиньнянь, пока я ещё называю тебя братом, придержи язык. Ты правда думаешь, что я тебя боюсь?

Голос Чэн Цзиньняня стал ледяным:

— Боишься или нет — можешь проверить.

Чэн Но пожал плечами, подошёл к нему вплотную и прошептал:

— Не думай, что я не знаю, что ты задумал. Я не позволю тебе это сделать!

Чэн Цзиньнянь рассмеялся:

— Советую держаться от него подальше. Он не тот, с кем ты можешь играть.

— Хорошо, давай проверим. — Чэн Но вдруг повысил голос и крикнул в сторону палаты: — Цинфэн, это я, Чэн Но, я пришёл к тебе!

Гу Цинфэн, услышав шум, поднялся с кровати и открыл дверь. Увидев гостя, он замер:

— Ты как здесь оказался?

Чэн Но улыбнулся:

— Услышал, что ты заболел, решил заглянуть.

Гу Цинфэн проигнорировал почерневшее лицо Чэн Цзиньняня и кивнул:

— Входи.

Чэн Но усмехнулся Чэн Цзиньняню и вошёл. Тот, сдерживая ярость, промолчал. Гу Цинфэн не закрыл дверь, думая, что Чэн Цзиньнянь войдёт следом, но тот, ответив на звонок, ушёл.

Гу Цинфэн смотрел на закрывшуюся дверь, погружившись в свои мысли, и даже не расслышал, что сказал Чэн Но. Тот щёлкнул пальцами перед его лицом:

— О чём задумался?

— Ни о чём, — покачал головой Гу Цинфэн.

Чэн Но посмотрел на его бледное лицо и коснулся его щеки:

— Всего пара дней, а ты снова пострадал.

Гу Цинфэн криво усмехнулся. Чэн Но вздохнул:

— Цинфэн, пообещай мне, что будешь беречь себя.

— Чэн Но, прости, что заставляю тебя волноваться.

— Дело не во мне, а в том, чтобы ты был в порядке. Пожалуйста, больше не калечь себя.

— Хорошо, я буду осторожен.

Чэн Но помог ему сесть на кровать, оглянулся на дверь и прошептал на ухо:

— Кто-нибудь уже знает о ребёнке?

Гу Цинфэн замер:

— Не думаю. Он не упоминал об этом.

Взгляд Чэн Но стал серьёзным:

— Цинфэн, у тебя особенный организм. Ты знаешь, какие анализы у тебя брали в больнице?

Гу Цинфэн покачал головой. Он был без сознания, и даже если бы у него забрали ребёнка, он мог бы не узнать.

— Цинфэн, вообще-то, обычный анализ крови или УЗИ могут показать беременность.

Гу Цинфэн с тревогой посмотрел на него:

— Ты хочешь сказать, что другие могли уже узнать?

Чэн Но кивнул. Под словом другие они оба подразумевали Чэн Цзиньняня, хотя Гу Цинфэн никогда не обсуждал с Чэн Но свои отношения с ним.

Чэн Но не задержался надолго. Дав советы, он ушёл. Оставшись один, Гу Цинфэн погрузился в раздумья, пока не вернулся Чэн Цзиньнянь.

Едва войдя, он съязвил:

— Твой любовник ушёл?

Его тон заставил Гу Цинфэна усмехнуться. Чэн Цзиньнянь это взбесило:

— Чему ты, чёрт возьми, улыбаешься?

— Ничему.

Спокойствие Гу Цинфэна стало последней каплей. Раздался грохот — Чэн Цзиньнянь опрокинул прикроватную тумбочку. Он схватил Гу Цинфэна за воротник и рывком поднял с кровати.

— Гу Цинфэн, ты до последнего не веришь в худшее, да?

Чэн Цзиньнянь замахнулся кулаком. Гу Цинфэн закрыл глаза, ожидая удара, но прошла минута, а боли не последовало. Он открыл глаза и увидел, что кулак Чэн Цзиньнянь врезался в стену прямо у его уха.

Гу Цинфэн вскрикнул, глядя на окровавленные костяшки Чэн Цзиньняня. Он подумал, что тот решил его пощадить. Но в следующую секунду Чэн Цзиньнянь схватил вазу и швырнул её в него.

С безумной улыбкой он прошептал:

— Гу Цинфэн, ещё не поздно умолять. Попроси меня — и я тебя отпущу.

<http://bllate.org/book/20420/2039757>